

Александр Гарцев

У меня своя дорога

18+

Александр Гарцев

У меня своя дорога

«Автор»

2026

Гарцев А.

У меня своя дорога / А. Гарцев — «Автор», 2026

Остросюжетный роман писателя Александра Гарцева не оставит равнодушных среди читателей, погружившихся в сюжет этой яркой захватывающей книги. У героини в кармане — уведомление о зачислении на бюджет. У нее на руках — мозоли от турника и черенка лопаты. У нее за спиной — перекопанный мост и мать, ставшая любовницей местного олигарха, чтобы спасти дочь от тюрьмы. Аня Громовой 18 лет, и она не собирается быть жертвой. Если ей перекрыли дорогу, она построит свою. "У меня своя дорога" — пронзительная мелодрама о цене свободы, где нет правых и виноватых. Есть только те, кто едет в джипе, и те, кто крутит педали.

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Гарцев

У меня своя дорога

Глава 1

Май в Нечерноземье пахнет не цветением, а холодной, тяжелой сыростью. Глина, перемешанная с навозом и талой водой, никогда не высыхает окончательно. Она просто меняет консистенцию: из вязкого, тянущего жилы теста превращается в скользкую, жирную смазку.

Анюта знала сорок оттенков этой грязи. Сейчас на ее резиновых сапогах был оттенок «старый коровник» — бурый, с белыми прожилками извести.

Она мыла пол в правлении фермы. Огромный кабинет Василия Федоровича Власова, где воздух до сих пор казался наэлектризованным от его недавнего присутствия. Пахло дорогим одеколоном, кожей сидений и холодным табачным дымом, хотя Власов не курил — это пахло его кожаным портфелем.

Анюта не мыла — она воевала. Ее тряпка, сшитая матерью из старой бязевой простыни, с визгом шла по импортному линолеуму, имитирующему дуб. Линолеум был подлым: на нем каждая пылинка выглядела как оскорбление. Мать велела вымыть так, чтобы «сам заглянул и не поморщился». Если Власов поморщится, премии не будет. А без премии им не собрать даже на подачу документов в приемную комиссию.

Сквозь двойные стеклопакеты звук просачивался с трудом, но вибрацию земли не спрячешь. По главной дороге, единственной асфальтированной жиле, на которой не рос бурьян, шел джип Коли. Черный, хищный, заляпанный подсохшей грязью по самую крышу, он выглядел здесь как инопланетный корабль.

Коля не ездил, он брал пространство штурмом. Машина шла ровно восемьдесят там, где трактора ползли на двадцати. Анюта разогнула спину, вытерла тыльной стороной ладони пот со лба. В правлении было жарко, а от напряжения свело поясницу.

Джип резко вильнул вправо.

У обочины, прямо в огромной луже, которую местные называли «морем», паслись ничейные деревенские гуси. Белые, глупые, уверенные в своем праве на эту планету. Один гусак, самый важный, вытянул шею, собираясь гневно зашипеть на ревушую тень.

Анюта видела это через мокрое стекло. Она видела, как Коля даже не притормозил. Он даже не пытался уйти от столкновения. Наоборот — короткий кивок руля, и тяжелый бампер с глухим, чавкающим ударом подбросил птицу.

Тушка пролетела по дуге и шлепнулась в грязь на другой стороне дороги. Остальные гуси с паническим гогогом бросились врассыпную, поднимая фонтаны брызг.

Джип даже не качнуло. Он лишь слегка подпрыгнул на упругой подвеске и, взвизгнув шинами по мокрому асфальту, скрылся за поворотом, ведущим к усадьбе Власовых — тому самому красному кирпичному дому, который ночью светился, как витрина.

У Анюты мелко задрожали руки. Дело было не в мертвой птице. В деревне к смерти относились просто: сегодня сдох гусь, завтра прирежут кабана. Дело было в том, с какой будничной, почти скучающей легкостью это было сделано.

Он даже не посмотрел в зеркало заднего вида. Для него этот гусь не существовал. Как не существовала лужа, в которой утонул по осени трактор дяди Пашки. Как не существовала ее мать, вчера упавшая в обморок от давления прямо на дойке, потому что Власов велел закончить ряд, прежде чем вызывать скорую.

Анюта опустила тряпку в ведро. Черная вода плеснула на край линолеума.

Она выпрямилась, посмотрела на свое отражение в темном экране выключенного телевизора на стене. Усталое лицо, русые волосы, выбившиеся из-под застиранной косынки, дешевая куртка, насквозь пропахшая хлоркой и хозяйственным мылом.

Коля Власов проехал мимо, даже не заметив ее существования. Он не видел за стеклом девчонку с тряпкой. Для него само здание правления было просто декорацией, фоном для его джипа.

Но Анюта видела всё. Она видела жирный черный след от резины, оставшийся на сером асфальте. И она видела красный кирпичный дом на холме.

В этот момент она впервые поняла: дело не в том, что ей не нравится в деревне. Дело в том, что она для этого мира — просто грязь. А грязь нужно либо смыть, либо в нее втаптывают.

Глава 2

Ветеринарный шприц, которым мать обычно колола свиноматкам антибиотики, лежал на краю кухонного стола. Пустой. Анюта старалась на него не смотреть.

Их изба, вросшая в землю по самые окна, пахла сыростью, остывающей золой и бедой. В сенях тяжело, с присвистом, дышал отец. Михаил вернулся с дойки — механизаторы теперь работали в две смены, готовя технику к выходу в поле — и «согрелся» по дороге. Он сидел на низкой лавке, привалившись спиной к стене, и пытался стянуть резиновые сапоги. Сапоги не поддавались.

— Помоги... — просипел он, не открывая глаз. Лицо, заросшее седой щетиной, было багровым. — Дочка... сапог... намертво.

Анюта молча шагнула к нему. Она не стала дергать за голенище — знала, что только разозлит. Она села на корточки, взяла в руки его тяжелую, пахнущую соляркой и навозом стопу и начала медленно, сантиметр за сантиметром, выкручивать ногу, проталкивая пятку внутрь.

— Во-от... — удовлетворенно выдохнул отец, когда сапог с чавканьем соскочил. — Хозяйка...

Он попытался погладить ее по голове, промахнулся, тяжело навалился плечом на стену и тут же захрапел, пустив слюну на грязную фуфайку.

Анюта вытерла руки о подол юбки. В избе повисла тяжелая, густая тишина, нарушаемая только тиканьем ходиков и храпом. Мать стояла у русской печи. В ее руках была старая, помятая на боках жестяная банка из-под леденцов.

Анюта знала эту банку. В ней отец раньше хранил крючки и грузила. Сейчас она была на три четверти заполнена чем-то серо-золотистым, похожим на крупную пыль.

Елена не обернулась на дочь. Она стояла спиной, напряженная, как струна. В избе было полутемно, свет падал только от лампочки без абажура, но Анюта видела, как мелко, судорожно двигаются лопатки матери под выцветшим ситцем халата.

Мать взяла со стола второй предмет. Пластиковый зип-пакет. Профессиональный, плотный, с белым клапаном. Такие привозили на ферму Власова для протравки семян перед посевом. На пакете еще виднелась стертая синяя маркировка: «ТИТ... МАКС...». Элитная репродукция. Та самая пшеница, которую Власов берег для своих показательных гектаров, куда водил комиссии из района.

— Мама, — голос Анюты прозвучал хрипло. — Что ты делаешь?

Елена вздрогнула. Пластиковая молния издала громкий, неприлично громкий в этой тишине звук «вжик». Мать резко обернулась. На ее лице за долю секунды сменилась целая гамма чувств: испуг, злоба, и тут же — вымученная, жалкая улыбка. Она попыталась спрятать пакет за спину, но жест получился нелепым, птичьим.

— Спи, спи, Анютк, — зашептала она, быстро семена к старому буфету. — Батя твой умаялся просто. Я вот... от моли. Траву сушеную пересыпаю, моль в сарае заела, спасу нет.

Она говорила слишком быстро. Слова натыкались друг на друга. Мать никогда не суетилась просто так. Елена Громова была из тех женщин, что могут одной рукой держать орущего младенца, второй доить корову, а в уме считать копейки до получки. Суетливость была признаком паники.

Анюта подошла к столу. На облупленной клеенке, рядом с ветеринарным шприцем, лежала плоская железная лопаточка. Мать только что соскребла ею остатки семян из банки в пакет.

— Это не от моли, — тихо сказала Анюта. — Это «Титан». Я видела такие мешки на складе, когда мы с классом на экскурсию ходили. Власов за них любому голову оторвет. Это же воровство, мам.

Елена замерла с пакетом в руках. Улыбка сползла с ее лица, обнажив то, что Анюта боялась увидеть — старость. Глубокие, жесткие складки у рта.

— Какое воровство? — мать вдруг перешла на яростное, змеиное шипение. Она шагнула к дочери, схватила ее за локоть костлявыми, горячими пальцами. — Какое воровство, дуреха?! Это обмен!

— Какой обмен? С кем? С дядей Витей-слесарем? — Анюта попыталась вырвать руку, но пальцы матери сжимались, как тиски.

— С городом! — выдохнула мать ей в лицо, брызгая слюной. — С людьми, Анюта! С настоящими людьми! Там, за трассой, есть элеватор. Там люди сидят, которые понимают, что это за зерно. Они берут его мешок за пять таких мешков фуража!

Она отпустила локоть дочери, тяжело привалилась к буфету. Пакет хрустнул в ее руке.

— Думаешь, я для себя? — голос ее снова упал до шепота, стал заискивающим, почти плачущим. — Думаешь, мне эти деньги нужны? На водку ему? — она кивнула в сторону храпящего отца. — Я каждую копейку... каждую горсть...

Мать дрожащими пальцами расстегнула ворот старого халата. На ее впалой груди, на шнурке, рядом с алюминиевым крестиком, висел ключ на грязной тесемке. Таким ключом запирали амбары. Она сняла его, открыла нижний ящик буфета, который всегда был забит старыми тряпками, и запустила руку по самое плечо.

Звякнуло стекло.

Мать вытащила наружу трехлитровую банку. Но внутри была не капуста и не огурцы. Банка была набита туго свернутыми купюрами. Пятисотками и тысячами. Деньги лежали не пачками, а именно навалом, вперемешку, как крупа.

— Вот, — Елена ткнула пальцем в стекло. — Здесь сорок две. Еще два раза по столько, и нам хватит. На первый месяц в городе тебе хватит. На комнату в общежитии. На еду. На одежду, чтобы не как чучело огородное. А потом ты им покажешь, Анюта. Покажешь этим... с джипами. Ты у меня умная. Ты поступишь.

Анюта смотрела на банку. От нее пахло сыростью, старым деревом и чем-то кислым. Это были самые страшные деньги, которые она видела в жизни. Они пахли тюрьмой.

— Если Власов найдет... — начала Анюта.

— Не найдет, — отрезала мать. В ее глазах блеснул тот самый лихорадочный, отчаянный огонь, который бывает у смертельно больного перед операцией. — Я по горсточке. Когда учет. Когда эта мымра, агроном их, в декрет ушла, там такой бардак на складе... Я только с краев. Никто и не хватится. Мешок туда, мешок сюда... Это, Анюточка, не воровство. Это... стартовый капитал.

Она снова зашуршала пакетом, пряча его обратно в банку из-под леденцов. Руки ее больше не дрожали. Движения стали точными, злыми. Она делала это не в первый раз.

Анюта посмотрела на спящего отца, на банку с деньгами, на свои руки. Мать грабила ферму олигарха, чтобы купить ей билет в другую жизнь. И этот билет был выписан на имя соучастницы.

— Ты его видела? — глухо спросила Анюта, глядя в стену. — Того, на элеваторе.

— Перекупщика? — Мать защелкнула буфет. — Видела. Мужик серьезный. Сказал, «Титан» сейчас в цене, всхожесть у него... Сказал, еще неси.

Мать подошла к дочери, порывисто, по-мужски обняла ее, прижала к своему костлявому, горячему телу. Пахнуло потом, пылью и безнадежностью.

— Спи, доченька. Спи. Утро вечера мудренее. Мы с тобой уедем. Я слово дала. Я его сдержу.

Она ушла в их с отцом закуток за печкой. Анюта осталась стоять в полутемной кухне. Храп отца на лавке вдруг стал казаться ей звуком работающего пресса, который медленно, но неотвратимо сжимает их дом в лепешку.

Она подошла к столу, взяла в руки ветеринарный шприц. Резина была холодной и мертвой.

Город. Он больше не был просто точкой на карте, где есть торговые центры и асфальт. Теперь город пах семенами «Титана», страхом матери и мокрой резиной украденных денег.

Глава 3

Июнь в Нечерноземье наступил не теплом, а тяжелой, звенящей духотой. Небо выплело до белизны застиранной холстины, и солнце висело в нем не желтым диском, а слепящим бельмом. Воздух дрожал над крышами, превращая старые избы в миражи. Пахло раскаленным шифером, сухой пылью и сладковатым, удушливым ароматом цветущей рябины, которая всегда зацветает к долгой засухе.

Днем асфальт на единственной дороге плавился, а к вечеру схватывался ломкой, остывающей коркой. Школьный автобус — старый, дребезжащий ПАЗик цвета жухлой травы — в этом году отменили. Официально — из-за «оптимизации маршрутов». Неофициально — Власов-старший выкупил солярку для своих комбайнов, и району было не до детей.

Анюта выкатила из сарая старый «Урал». Ржавая цепь скрипнула, как несмазанная петля. Велосипед был тяжелым, мужским, с высокой рамой. Чтобы перекинуть ногу, приходилось задираť ее почти до пояса, пачкая и без того выпцветшие джинсы. Но у «Урала» были широкие шины. На шоссейнике по этим колеям, оставленным лесовозами, далеко не уедешь — переломашь спицы. А «Урал» пер по грязи и гравию, как маленький танк.

Она нажала на педаль. Звезды подшипников в каретке хрустнули, но велик поехал.

Анюта не обернулась на звук мотора, хотя он был таким же чужеродным в этой духоте, как звук синтезатора на похоронах. Низкий, сытый рокот восьмицилиндрового двигателя, которому не нужно было напрягаться, чтобы нести тяжелую тушу машины.

Черный джип Коли вынырнул из-за поворота бесшумно, если не считать этого сытого урчания. Машина шла по встречной обочине, поднимая за собой клубы серой, горячей пыли. Пыль оседала на листьях придорожной крапивы, и они мгновенно становились тусклыми, серыми, мертвыми.

Джип поравнялся с ней. Стекло со стороны пассажира поползло вниз с тихим, дорогим электрическим жужжанием.

Внутри было темно, прохладно и играла музыка — что-то басовитое, иностранное, под что хорошо бить витрины. Коля сидел, забросив одну руку на спинку сиденья. На запястье блестели массивные часы. Лицо его было расслабленным, почти скучающим.

— Эй, — крикнул он, перекрывая музыку. Голос у него был высокий, чуть капризный, совсем не вязавшийся с тяжелой машиной. — Громова!

Анюта продолжала крутить педали. Она смотрела строго перед собой, на выбитую колею, на которой велосипед мелко и болезненно вибрировал.

— Ты оглохла? — в голосе Коли появилось раздражение. — Я «эй, Громова» сказал.

Он посигналил. Короткий, резкий, требовательный гудок, от которого с забора испуганно взлетела стайка воробьев.

Анюта чуть повернула голову. Не остановилась.

— Садись, подвезу, — сказал он уже тише. В его тоне сменилась интонация. Теперь это была не команда, а снисходительное одолжение. — Душно же. Пыль. Опоздаешь еще.

Это было бы актом невиданной доброты в любой другой деревне. Подвезти одноклассницу — норма. Но Анюта знала цену этой «доброты». Вчера Ольга весь вечер строчила в чате, как Коля подвозил ее до дома, и как у него в салоне пахнет «настоящим мужским парфюмом», и как он случайно коснулся ее колена.

Анюта не хотела пахнуть мужским парфюмом. Она не хотела, чтобы ее колено касалось кожаного сиденья, за которое мать отдала бы три мешка «Титана».

— Я на велике, — бросила она, не сбавляя хода.

— Да брось ты этот драндулет, — Коля поморщился. — Я его в багажник закину. Или на трос прицеплю, как собаку. Поехали, говорю. Мне в ту же сторону, в райцентр.

Он чуть поддал газу, и джип начал медленно, навязчиво обгонять велосипед, оттесняя его к самой обочине, к зарослям крапивы. Это был не жест заботы. Это был захват территории. Он показывал, что дорога принадлежит ему.

Анюта стиснула зубы. Руль в руках мелко дрожал. Если она сейчас остановится, если позволит ему выйти и заговорить с ней — всё. К вечеру Ольга разошлет это видео всему классу. «Анюта Громова села в машину. Смотрите, кто у нас королева».

— Спасибо, не надо, — сказала она в пространство между рулем и коленом. — Я так.

— Да ты... — Коля осекся.

Он смотрел на нее через открытое окно. На ее напряженную спину, на то, как она упрямо, с остервенением жмет на педали, хотя ехать в гору по такой жаре на «Урале» — это медленная пытка.

В его взгляде мелькнуло что-то похожее на интерес. Не на желание. На любопытство биолога, встретившего насекомое, которое не летит на свет.

— Дура, — наконец выдохнул он. Стекло поехало вверх, отсекая прохладу.

Джип резко, с пробуксовкой по гравию, рванул вперед. Обдал Анюту горячим, вонючим выхлопом и умчался в сторону райцентра, обгоняя свой собственный звук.

Анюта осталась одна. В ушах звенело от тишины, в которой тонко пели комары. Ноги, налившиеся свинцом, продолжали крутить педали.

Она не победила. Она просто не досталась ему легко. И Коля Власов не любил, когда добыча оказывалась с зубами.

Впереди, в дрожащем мареве, показались блочные пятиэтажки райцентра. Дорога пошла под уклон, и «Урал», наконец, поехал сам, тяжело и быстро набирая скорость.

Глава 4

Июньское солнце к десяти утра выжгло остатки утренней прохлады. Лесная дорога, идущая от фермы к райцентру коротким путем, пахла горячей хвоей, прелою листвой и разогретым машинным маслом. Здесь, под плотным пологом старых елей, асфальт был покрыт слоем липкой, черной смолы, которая вдавливалась в покрышки.

Олег ехал стоя, навалившись всем весом на педали. Его «Турист» — старая, но ухоженная советская рама — был легкий, но требовал усилий. Олег не терпел неэффективности. Каждое движение ноги было рассчитано: давление вниз, подтягивание вверх, работа корпусом для сохранения инерции. Он слушал не пение птиц, а ритм собственного дыхания и ровное жужжание сухой цепи.

Он срезал путь через лес, чтобы не дышать пылью большой дороги. Олег не любил грязь. Не ту, что на сапогах, а ту, что в головах. Лес был честным: здесь выживал тот, кто быстрее, выносливее или умнее.

Звук чужого мотора он слышал за километр.

В лесу акустика работает как в трубе. Низкий, утробный рык восьмицилиндрового двигателя «Тойоты» не просто нарушил тишину — он изнасиловал ее. Олег поморщился. Он знал эту машину. Джип Коли.

Олег сбавил ход, съехав на самую кромку асфальта, под прикрытие густого можжевельника. Он не прятался — он просто убирался с траектории тех, кто не смотрит по сторонам.

Они появились через полминуты. Сначала — облако сизого, сладковатого дыма от дорожного бензина. Затем — черный, лоснящийся бок джипа. Он шел по встречной обочине, по гравию, по корням, которым было больно от такой тяжести. Машина не ехала, она плыла, подавляя пространство своей массой.

За ней, метрах в десяти, Олег увидел «Урал».

Олег знал этот велосипед. Ржавый, тяжелый, с багажником, на который обычно прикручивают ящики для рыбы. На нем сидела Анята.

Олег замер, вжавшись в тень. Он не хотел быть замеченным. Не из страха. Из брезгливости. Он не любил быть зрителем в цирке уродов, а Коля Власов был именно таким цирком — передвижным балаганом тщеславия.

Олег видел механику происходящего. Он не видел романтики, не видел «ухаживаний». Он видел физику и психологию давления.

Джип начал медленно, по сантиметру, сокращать дистанцию. Его правое переднее колесо шло в двадцати сантиметрах от левого плеча Аняты. Еще чуть-чуть, и зеркало на скорости пятьдесят километров в час просто снесет ей голову или, что хуже, напугает лошадь, если бы она была. Но лошади не было. Была девчонка, которая из последних сил крутила педали, пытаясь удержать равновесие на узкой полоске земли.

Олег видел, как ходят желваки на ее спине под выцветшей тканью куртки. Она не поворачивала головы. Она смотрела на дорогу. Это было не бегство. Это был расчет. Она экономила кислород.

Коля что-то крикнул. Олег не слышал слов, но слышал интонацию — барскую, ленивую. Окно джипа поползло вниз.

Олег сжал руль так, что побелели костяшки пальцев. Его разум, привыкший к формулам и траекториям, мгновенно просчитал варианты.

Вариант А: Выйти на дорогу. Физическое столкновение. Олег весил семьдесят килограммов. Коля — под центнер, плюс две тонны железа. Математика не сходилась. К тому же, вступить за нее — значит признать ее слабость. А Олег презирал слабость.

Вариант Б: Камень в стекло. Эффективно, но оставляет следы. Вызовет полицию. В деревне нет анонимности. Власов-старший найдет его через час. У Олега были другие планы на жизнь, не связанные с переломанными ногами в кювете.

Вариант В: Наблюдение.

Он выбрал В.

Его глаза, привыкшие выхватывать детали на стендах с физическими формулами, фиксировали всё. Угол наклона руля джипа. Скорость сближения. То, как Коля чуть поддал газу, когда Анята попыталась взять чуть левее. Это была не случайность. Это была игра. Коля играл в цыпленка, и его цыпленок был на ржавом велосипеде.

Когда джип рывкнул двигателем, обдав Аняту гарью, и резко ушел вперед, Олег выдохнул. Он не почувствовал облегчения. Он почувствовал, как внутри закручивается холодная, тяжелая пружина.

Коля уехал. Пыль от его шин медленно оседала на придорожные папоротники, убивая их глянцево-зеленый цвет.

Анята осталась. Она даже не покачнулась. Просто выровняла велосипед и поехала дальше. Но Олег видел, как опустились ее плечи, когда звук мотора стих за поворотом.

Он выждал еще минуту. Спешился. Подошел к тому месту, где джип прижимал велосипед. На мягком, подтаявшем гудроне асфальта остался черный, жирный след от протектора. Он перечеркивал дорогу жирной, уродливой чертой.

Олег достал из кармана камуфляжных штанов телефон. Старый, кнопочный, черно-белый — он не признавал смартфонов, они жрут время и внимание. Он открыл заметки.

«10:12. Лесная дорога. Власов К. Прижал Г. А. к обочине. Скорость сближения критическая. Намеренное создание аварийной ситуации».

Он не был рыцарем. Он был архивариусом чужих ошибок.

Олег сел на велосипед. Пружина внутри распрямилась, превратившись в холодный вектор. Он не спасет ее. Спасение — это эмоция. Он просто дождется, когда вектор движения

Коли и вектор движения Анюты пересекутся в точке максимального ущерба. И тогда он будет единственным, у кого есть доказательства.

Он нажал на педали. Лес снова сомкнулся за его спиной, поглощая звуки.

Глава 5

Июньский вечер опустился на деревню внезапно, как упавшее на пол мокрое ватное одеяло. Солнце, весь день яростно жегшее шифер, провалилось за кромку дальнего леса, оставив после себя лишь тяжелую, лиловую духоту. В воздухе повис запах прибитой к раскаленной пыли остывающей смолы и сладкий, приторный аромат диких роз, которые Ольга называла «шиповником для нищих», хотя они росли у каждого забора.

В доме Ольги пахло иначе. Пахло жареным луком, дешевым стиральным порошком «Ушастый нянь» и несбывшимися надеждами.

Ольга лежала на животе поперек своей узкой кровати, застеленной покрывалом с принцессами, которые давно выцвели и теперь напоминали призраков. В руке она сжимала телефон. Не кнопочный раритет, как у Олега, а современный сенсорный смартфон с треснутым в углу стеклом. Экран светил ей в лицо мертвенно-синим светом.

На экране, в приложении «Галерея», была папка под названием «Ферма». Зашифровано, надежно.

Ольга нажала на воспроизведение.

Видео было снято сегодня утром, на «скрытую камеру» — на самом деле просто телефон, оставленный на краю комода в прихожей, под стопкой накрахмаленных, но уже пожелтевших скатертей.

На записи была ее мать, Тамара.

Тамара стояла в их тесной, заставленной старой мебелью прихожей, одетая в свое «выходное» платье — синтетическое, в жутких розанах, которое она берегла для похода в сельсовет. Волосы, обычно собранные в жидкий пучок, были распущены и завиты на плойку, отчего голова напоминала испуганного пуделя.

В кадре появился Василий Федорович Власов.

Он не вошел — он заполнил собой дверной проем. От него пахло кожей салона и дорогим табаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.